

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И.А. БУНИНА

LITERARY PORTRAITS IN EARLY JOURNALISM OF I.A. BUNIN

**A. Dyakina
A. Kravchenko**

Summary. an object of research in article are E.I. Nazarov, T.G. Shevchenko, N.V. Uspensky's literary portraits created in early publicistic works of Ivan Bunin. Proceeding from a genre originality of a literary portrait, authors define features of its creation by Bunin. These specifics reflect conceptual views of the young writer of the nature of creativity and an image of the creative person.

Keywords: I. A. Bunin, journalism, literary portrait.

Дякина Анжелика Александровна

Доктор филологических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец

Кравченко Алексей Андреевич

Аспирант, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец

Аннотация. предметом исследования в статье являются литературные портреты Е. И. Назарова, Т. Г. Шевченко, Н. В. Успенского, созданные в ранних публицистических произведениях Ивана Бунина. Исходя из жанрового своеобразия литературного портрета, авторы определяют особенности его создания Буниным. Данная специфика отражает концептуальные взгляды молодого писателя на природу творчества и образ творческой личности.

Ключевые слова: И. А. Бунин, публицистика, литературный портрет.

И. А. Бунин входит в литературу в конце 80-х годов XIX столетия. С этого времени все его творчество неразрывными нитями связано с отечественной периодикой. В ранней публицистике Бунина особое место принадлежит произведениям, которые жанрово можно определить как литературные портреты. Они еще не являются самостоятельной структурной единицей, а входят в другие жанровые образования. В конце XIX — начале XX столетия литературный портрет привлекал многих авторов. К нему обращались В. Вересаев и М. Горький, А. Белый и С. Городецкий, В. Короленко и В. Куприн. Бунин был в числе тех, кого данный жанр интересовал на протяжении всей творческой биографии.

По своей сути подобные тексты призваны представить целостную характеристику реального человека в его неповторимом, живом облике. Словесный портрет, принадлежащий перу писателя, отличается тем, что дает разные ракурсы персонажа, соединяет многочисленные штрихи в общую его характеристику. Генетически портрет, написанный словом, роднится с мемуарной литературой. Отсюда потребность в сходстве с натурой, достоверность воспроизведения реального облика. «Портрет — это прежде всего изображение конкретного лица, не вымышленного образа, созданного воображением художника, а единичной, «именной» личности» [1].

Литературный портрет обобщает знания о человеке, включая его биографию, произведения (если речь идет о творческой личности), отношение к нему современников и самого автора. «Отличие литературного

портрета» заключается в его «особом художественном содержании», строгом отборе фактов и деталей. Именно в последнем и проявляется личность создателя литературного портрета, прорисовывается концепция его собственного представления о персонаже. Авторы портретов отбирают такие факты, которые открыто, а не косвенно характеризуют героя. Поэтому предпочтителен жест, а не поступок, высказывание, а не диалог. Отношение автора к своему герою — это «активная часть жанровой структуры» [2]. Кроме того, литературные портреты отличаются «бессюжетностью»: в них, по сути, нет развития событий, присутствуют лишь взаимодействующие друг с другом моменты, служащие характеристике героя. Исследователи литературного портрета связывают бессюжетность с особенностями построения данного жанра: свободная композиция, авторские обобщения и разъяснения, отступления лирического или публицистического плана.

В ранние годы творчества Бунин создает три литературных портрета. Первый появляется на фоне начавших оформляться эстетических представлений молодого художника. «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е. И. Назарова» — так назывался материал, опубликованный в журнале «Родина» в июне 1888 года (№ 24. Стб. 630–634). Незадолго до этого автор знакомится в трактире города Ельца с поэтом, мещанином по происхождению Егором Назаровым, из разговора с которым узнает о его биографии и увлечении стихотворством. В публикации Бунин приводит примеры, почерпнутые из этой беседы, и весьма деликатно разбирает произведения поэта-самоучки, который в силу сложившихся жизненных обстоятельств обладает только «задатками истинно-

го искусства», не имевшими возможности «вполне развиться».

Молодой автор призывает литературных критиков не обходить вниманием произведения таких сочинителей, и тем более не иронизировать над ними. Он отмечает в числе наиболее удачных, «очень хороших», стихотворения «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское», а как доказательство «качества» приводит полный текст последнего. Бунин совершенно убежден, что при иных обстоятельствах, необходимой поддержке и помощи со стороны интеллигенции, которая «могла бы не упускать из виду подобных личностей, вводить их в круг широких, умственных интересов, стараться развивать эстетический вкус», из Назарова «вышел бы хороший поэт» [3, с. 295].

В этой связи молодой публицист ставит общественно значимую проблему о необходимости «сплоченной и объединенной корпорации» «семьи литераторов» — организации литературных обществ, в рамках которых, авторы, особенно молодые, могли бы развиваться, получать помощь и поддержку в творческом плане. Удивителен, по мнению Бунина тот факт, что в России, где литература достигла значительной высоты, «в этом направлении сделано крайне недостаточно» [3, с. 290].

Кроме того, в русле все чаще «раздающихся голосов» «о необходимости интеллигенции прийти на помощь народу», Бунин предлагает вполне конкретные формы такой помощи, жизненно важные для начинающих авторов, которые не принадлежат «по происхождению и материальным достаткам к интеллигентному и привилегированному классу». Он видит их в возможности «направлять на истинный путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться», помогать «интеллектуальному развитию наиболее талантливых людей из народа» [3, с. 290].

Эти социально ориентированные вопросы вынесены в первой части работы Бунина. По сути, она схожа с проблемной статьей. С другой стороны, совершенно очевидно, что автор ставит перед собой и сугубо литературные задачи, посвящая им более объемную часть своего материала. Рассмотрение вопросов художественного творчества в непосредственном соотношении с соответствующими социальными проблемами, как правило, культурного плана, добавляет публицистические ноты в текст бунинской работы, позволяет говорить о традиции демократической, народнической критики (Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского) в ней. Эта составляющая творческого подхода к исследованию литературных явлений будет успешно развиваться в дальнейших «нехудожественных» произведениях писателя.

Вторая часть работы Бунина представляет собой литературный портрет поэта Егора Назарова. Его автор уделяет пристальное внимание истокам творческого сознания, жизненным фактам, обстоятельствам, сформировавшим талант. Подчеркивается, что Назаров принадлежит к бедной ветви своего елецкого рода, потому нигде не учился, грамоту освоил самостоятельно. «Судьба бросала его во все стороны нашего обширного отечества», ему «приходилось испытывать не только нужду и лишения, но непосильный физический труд». «Задавленный нуждой, Егор Иванович принужден был некоторое время вести винную торговлю» [3, с. 292–293]. Помимо «житейских неурядиц...» нравственное одиночество и заброшенность были его уделом» [3, с. 293]. В этой связи одной строкой сказано о внешности героя: «И как странно мне было видеть, что такой слабый, небольшого роста человек был способен на такие испытания» [3, с. 293].

Бунин прибегает к элементам прямого диалога с читателем: обращается к нему с просьбой представить ту или иную картину из жизни Назарова и понять, что формирование его как поэта шло не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Люди, которые встречались на жизненном пути Егора Назарова, чаще всего не только не разделяли его «стремление к поэзии и искусству», а напротив «насмехались над подобными порывами, считая их ребяческими затеями, не ведущими ни к какой цели» [3, с. 293]. Но что же тогда помогало природным лирическим задаткам выливаться в самостоятельные стихотворные произведения? Автор портрета находит стимулирующие рычаги в психологии своего героя. Назаров, по мнению Бунина, с детства был натурой страстной, обладавшей «крайней впечатлительностью», «прекрасной памятью», «благородными порывами молодой души».

Произведения Е. И. Назарова, сопровождающие его литературный портрет, становятся своего рода иллюстрацией тех жизненных испытаний, которые выпали на долю поэта-самоучки. При этом автор подчеркивает, что в его задачу не входит «рецензирование стихотворений г. Назарова». Отдельные элементы разбора поэтических текстов введены в качестве примеров допущенных автором сборника «неточностей». Но самое главное — это «внутренне содержание» поэзии Назарова, которое определено как «весьма симпатичное» [3, с. 294]. Тональность его произведений («безысходная скорбь», [3, с. 294]; «крайне грустный отпечаток» [3, с. 293] Бунин связывает с творческим и личностным одиночеством, отсутствием необходимой для развития таланта среды, окружения единомышленников. Так постепенно молодой автор подходит к проблеме, которая позже всегда будет его волновать и выливаться на страницы произведений — жизненный путь художника: соразмерность «данного» ему Богом и «отданного» им людям.

К начальному периоду творчества Бунина принадлежат литературные статьи, увидевшие свет на страницах «Орловского вестника»: Особое место среди них занимают две публикации: «К будущей биографии Н. В. Успенского» и «Памяти Т. Г. Шевченко».

Поводом к написанию первой статьи становится самоубийство Н. В. Успенского в октябре 1889 года. Личность и творчество «одного из первых и крупнейших народных писателей, совершенно особой, своеобразной школы, зародившейся в шестидесятых годах» [3, с. 495] и прежде привлекала внимание Бунина. Кроме того, молодой автор был с ним, как любил сам выражаться, «из одних квасов»: Успенский происходил из села Шипово Тульской губернии, находившегося неподалеку от родных мест Бунина и связанного с именем Лермонтова. Статья, цель которой состояла в передаче «очень характеристических фактов ... интимной жизни», так необходимых будущему биографу писателя, была опубликована «Орловским вестником» в мае 1890 года (№ 125). Совершенно очевидно, что ее появление «не по горячим следам» предусматривало достаточно длительный этап подготовки. Известно, что Бунин составляет «Письмо в редакцию» с просьбой о помощи в сборе материалов о жизни и деятельности Н. В. Успенского, опубликованное в нескольких изданиях: «Орловский вестник!», «Минский листок», «Полтавские губернские ведомости», «Киевское слово» [4, с. 205, 206, 207].

Как становится ясно из самого текста, для сбора сведений о жизни Успенского Бунин, не знавший его лично, предпринял поездку в село Лобаново Ефремовского уезда Тульской губернии, где писатель часто бывал и где проживал его «тесть и друг детства... священник А. И. У., человек очень образованный и развитый» [5, с. 496]. Но надежды на него как основной «источник информации» не оправдались. Автор упоминает о том, как и где ему пришлось собирать материал: его собеседниками были посетители питейных заведений, куда часто заходил Успенский, мужики лобановского винокуренного завода, с которыми он общался, кабатчик, на которого Успенский написал заявление в полицию, другие жители села. Полученные сведения Бунин считал достоверными, ручался за их подлинность («Их каждый может проверить в том же Лобанове» [5, с. 501]; «не верить таким рассказам было невозможно: во-первых, — не могут же все врать, и одинаково, а во-вторых, за правдивость говорила и сама бесхитростная передача, не бившая на эффект или на «поражение» слушателя» [5, с. 499]. Опросы, проведенные Буниным в селе, показали, что Успенского все воспринимали как «обыкновенного бродягу-пьянчугу». Никто не верил в его «учение», потому что грамотность и образованность в сознании селян не соотносились с тем образом жизни, который вел Успенский — «шлялся нищеводом» [5, с. 499].

Единственным человеком, который не осуждал и не посмеивался над опустившимся писателем, был его тесть. Вероятно, в силу своего воспитания и священнического сана он видел в писателе «слишком недюженно-го человека, слишком глубокую натуру» [5, с. 496]. Вслед за своим собеседником Бунин смотрит на жизнь Успенского как «оригинальную и печально своеобразную», «одинокую, загубленную» [5, с. 501]. Он не пытается объяснить те или иные поступки писателя, оправдать или осудить его поведение, он только приводит факты, которые помогли бы разгадать тайну его «ненормальной тяжелой участи» [5, с. 495]. Конечно, для рядового читателя эта загадка была трудно разрешимой, ведь жизнь Успенского никак не соотносились с логикой и обывательским прагматизмом. Действительно, как понять и оправдать беспечность, с которой он распорядился подаренной Тургеневым землей, существованием своей малолетней дочери, ставшей бродягой вместе с отцом, наконец, — своим выдающимся талантом. Думается, самому Бунину, который в эти годы только пробивался в большую литературу, искал знакомства в писательской среде, заявлял о себе в газетно-журнальном мире также сложно было понять выбор Н. Успенским своего жизненного пути. Двадцатилетний автор статьи, однако, обладал достаточным тактом, чтобы не разделять мнения жителей села Лобаново о писателе: «Зарезался, слава богу, как пес какой...» [5, с. 500], «не улыбаться вместе с другими» [5, с. 501], а лишь думать «горькую думу» [5, с. 501]. Тема «загубленного таланта» будет всплывать не однажды в разных жанрах его творчества. Есть ее отголосок и в образе Якова Савельевича (очерк «Мелкопоместные»), и в образе учителя Ромашкова (роман «Жизнь Арсеньева»).

Спустя 3 года после смерти Н. Успенского Бунин вновь обращается к его трагической судьбе. В газете «Русская жизнь» (1892, № 333, 8 декабря) выходит его статья «Забывтый человек», в которой даны новые штрихи к прежде созданному литературному портрету писателя. Гораздо позже (в записях 1927 года) Бунин отмечал: «Увлекался я в молодости и Николаем Успенским, и опять не только в силу его дарования, но в силу и личной судьбы его, во многом схожей с судьбой Левитова: страшные загадки русской души уже волновали, возбуждали мое внимание [5, с. 274].

Заключительная фраза многое объясняет в выборе героев ранних статей Бунина. Но не только загадка души Успенского привлекает внимание писателя, но и отношение общества к его судьбе. Автор с горечью констатирует, что российская печать фактически проигнорировала трагическую смерть «одного из первых русских писателей, сердечно, но беспристрастно посвятивших свой талант изображению деревенской народной жизни и вообще «мелкого», серого люда» [3, с. 310]. Но и спустя три года ситуация не изменилась, напротив — даже

усугубилась: Успенского забыли. Между тем Бунин выделяет его как «человека с большой наблюдательностью, большим знанием деревни, сочинения которого, в ряду других произведений народнической литературы, всегда будут отмечаться в истории развития русского общества» [3, с. 311]. С другой стороны, совершенно очевидно, что Успенский отдал меньше, чем ему было дано его талантом. Эту печальную несообразность Бунин объясняет тем, что «Николай Васильевич принадлежит к числу русских писателей «неудачников», которые «унесли с собой в могилу тайну своей горькой участи» [3, с. 311]. С тем, чтобы напомнить читателям о судьбе писателя — народника, Бунин излагает факты его биографии. В этой работе представлены по сути те же сведения, к которым писатель уже обращался в статье «К будущей биографии Н. В. Успенского», но поданы они иначе — более емко. Самое значимое обобщение заключено в названии статьи, которое по сути может быть отнесено к характерным явлениям русской жизни и национальной ментальности.

Тема писательской судьбы продолжена в статье Бунина «Памяти Т. Г. Шевченко» («Орловский вестник», 1891, № 56). Здесь художник создает портрет предшественника, но делает это так, как будто лично знал великого украинского поэта. Выбор героя не случаен: еще в ранней юности, а особенно во время и после своего путешествия по Украине (летом 1890 г.), Бунин увлекся поэзией Шевченко, читал его произведения на языке оригинала, знал наизусть и был уверен, что великого Кобзаря переводят не всегда удачно, «много ниже подлинника» [6, с. 23]. «Глубокая поэтическая грусть», «музыкальность звучания» [6, с. 24] стихов Шевченко восхищали молодого автора. Но вместе с творчеством его привлекала личность, «нравственный образ поэта-самоучки» [3, с. 301]. Вспоминая «задушевные песни и думы, полные самой простой высокой поэзии и красоты» [3, с. 301], в 30-летнюю годовщину смерти Шевченко Бунин «посвящает его памяти несколько слов» и раскрывает перед читателем «грустную историю» жизни поэта.

Главный акцент Бунин делает на простоте образа жизни Шевченко, который привлекал людей: «все знакомые любили поэта за его искренность, задушевность и мало-российский юмор» [3, с. 303], его особенно любили дети, дамы подчас подшучивали над его мешковатостью, а он отвечал им доброй улыбкой и стихами-прибаутками [3, с. 303].

Как верно заметил А. С. Логвинов, «несмотря на узкие рамки газетной статьи, Бунин обнаружил в ней хорошее знание биографической литературы о Шевченко, которая могла быть тогда доступна ему; статья свидетельствует также о незаурядном знании автором поэзии Шевченко и о серьезном, вдумчивом к ней отношении» [3, с. 301]. Хотя, справедливости ради, уточним, что о по-

эзии Шевченко автор статьи говорит только в заключительной части и делает это, словно в подтверждение сказанного о его личности и судьбе. Бунин пишет: «Вообще то, что светило в песнях и думах Тараса Григорьевича, было сразу заметно и в его характере. Только в первых, как в выразителях его лучших поэтических минут, было больше грусти, оставленной невеселой судьбой» [3, с. 302]. В статье цитируется только два произведения Шевченко, но с каждым из них автор обращается к читателям, побуждает вспомнить и другие стихи великого Кобзаря. Такой прием делает тон повествования доверительным, располагает к лирическому раздумью, которым Бунин завершает свою работу. Он мысленно возвращается на могилу Шевченко, поэтизирует простоту и величие места ее расположения: «Говорят — хорошо там: веет вольный степной ветер, далеко разлился Днепр, далеко стелятся степи, синеют «могилы», греет южное жаркое солнце, да зеленеет высокая трава» [3, с. 30].

Заключительные строки напрямую соотносятся с записями В. Н. Муромцевой, в которых упоминаются впечатления писателя от его посещения Канева: «Он признавался, что ни одна могила великих людей его так не трогала, как могила Шевченко, находившаяся близ старинного города Канева, «места крови», где почивают на старинных кладбищах герои и защитники казачества. Могила находится на горе, откуда вид на Днепр, на далекие долины, на рассыпанные села, на то, что так любил украинский поэт. Могила простая, с белым крестом...» [7, с. 110]. В этой простоте и величии, соединенном в одном человеке, выходе из народа, вероятно, и скрывалась та удивительная притягательность Шевченко, к которой Бунин прикоснулся еще в юности и попытался приблизить своего читателя.

Литературные портреты, созданные молодым автором, помещенные в статьи, сопровождаются публицистическими комментариями, в их содержание «вторгаются» «суждения о соотносимых с темой явлениях и проблемах современности», «прочитывается злоба дня», «дух времени» [8].

Рассмотрение ранних газетных выступлений Бунина позволяет говорить о формировании системы его эстетических и философских ценностей, в которой уже прочерчены отдельные принципиально значимые грани. Первая из них связана с тем, что начинающего писателя интересуют вопросы зарождения и развития таланта, истоки мастерства. В этой связи он обращается к изучению среды, питающей и вдохновляющей творчество. Бунин внимательно всматривается в родословную писателя, изучает факты его жизненного пути и приходит к выводу о том, что истоки творчества могут быть совершенно разными, но сами по себе они не определяют способность к творчеству. Всякая сфе-

ра жизни достойна внимания художника, потому Бунин ратует за тематическое и проблемное многообразие творческих поисков. С другой стороны, среда либо содействует, либо тормозит развитие таланта, создавая препятствия на пути творческой мысли. Но даже в последнем случае талант может развиваться и укрепляться — все зависит от степени дарования (Назаров — Шевченко). Кроме того, неблагоприятная среда в конечном итоге обогащает человека сложным жизненным опытом, глубокими переживаниями, придающими произведениям искусства силу притягательной печали (Шевченко).

Еще одно пространство, исследуемое Буниным,— личность художника, ответственность человека за свой талант. Здесь фактически две противоположности: Успенский, имевший все возможности для творческо-

го развития, но растративший свой талант на бродяжничество и питейные заведения, потерявший к концу жизни всякие приличные связи, сыскавший среди людей презрительную усмешку и прозвище Мефистофель; и Шевченко, крепостной крестьянин, упорно шедший к просвещению, развивавший и укреплявший свой дар к слову, рисованию, ставший выдающимся мастером, оставивший по себе добрую и светлую память.

Литературные работы Бунина, включающие портреты художников слова, явились важным шагом на пути его становления как публициста. Серьезные публицистические акценты, расставленные в них в связи с литературно-эстетическими вопросами, позволяют судить о творческих и личностных приоритетах начинающего автора, его живой заинтересованности в судьбах современной отечественной словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тагер Е. Б. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького // О художественном мастерстве Горького. Сборник статей. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 375.
2. Барахов В. С. Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр). Л.: Наука, 1985. — С. 16.
3. Литературное наследство. Иван Бунин. — Т. 84. — В 2-х кн. — М.: Наука, 1973. — Кн. 1. — 696 с.
4. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870–1909). — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 911 с.
5. Бунин, И. А. Собр. соч. в 9 т. / И. А. Бунин. — М.: Худож. лит-ра, 1965–1968. Т. 9.
6. Бунин, И. А. Письма 1885–1904 годов / И. А. Бунин; под ред. О. Н. Михайлова. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — 768 с.
7. Муромцева-Бунина, В. Н. Жизнь Бунина (1870–1906). Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Советский писатель, 1989. — 508 с.
8. Прохоров, Е. П. Искусство публицистики / Е. П. Прохоров. — М.: Советский писатель, 1984. — С. 51.

© Дякина Анжелика Александровна, Кравченко Алексей Андреевич. Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина